

УДК 82-3

Л. Н. Снякова

Новосибирский государственный университет
ул. Пирогова, 2, Новосибирск, 630090, Россия

scholast@ngs.ru

**ЦЕННОСТНО-ЭТИЧЕСКИЕ ЭКВИВАЛЕНТНОСТИ
В ПОЭТИКЕ РОМАНА И. А. ГОНЧАРОВА «ОБРЫВ»:
РАЙСКИЙ, БАБУШКА, ВЕРА**

Изучается взаимосвязь ценностно-этических позиций главных персонажей романа И. А. Гончарова «Обрыв». Эквивалентность устанавливается в отношениях сходства и различия персональных концепций жизни / судьбы / существования. В паре персонажей Райский – Бабушка разворачивается «спор» традиционалистского и индивидуально-творческого мироотношений. Основные выявленные в диалоге Райского и Татьяны Марковны Бережковой ценности касаются этико-философских позиций: судьба как Божья / своя воля; жизнь – «общие» законы / индивидуальный опыт; существование – самоотдача и долженствование / эмоционально-эстетический протезизм. Вера и Райский объединяются в поисках свободы, но для Веры это прежде всего свобода самоопределения, а для Райского – «артистического» самовыражения. Возмущенная реакция обоих персонажей на чтение книги с морально-дидактическим выводом (о добродетельной «Кунигунде») обнаруживает одну из их приоритетных ценностей – неприятие регламентирующей этики. Возникающий в связи с попыткой Райского разгадать психологическую и ментальную сущность Веры мотив «ключей» (от внутреннего мира человека) распространяется в последней части романа и на всепримиряющий, «гармонизирующий» фатализм Бабушки. Изоморфизм символического мотива еще раз доказывает существование глубинной мировоззренческой связи персонажей. Все трое персонажей тяготеют друг к другу как носители этической установки жизни-поиска и судьбы-испытания.

Ключевые слова: эквивалентность, ценности, миропонимание, существование, судьба.

Принцип поэтической эквивалентности был обоснован Р. О. Якобсоном в статье «Лингвистика и поэтика» (1960). Знаменитый филолог постулировал ставшую хрестоматийной мысль о том, что поэтическая функция языка «проецирует принцип эквивалентности с оси селекции на ось комбинации» [Якобсон, 1975. С. 204]. Эквивалентность разворачивается в рядах последовательностей: слогов, ударений, просодики и т. п. [Там же].

Известный нарратолог В. Шмид обосновал возможность реализации «закона» поэтической эквивалентности в прозе. Эквивалентность трактуется как «равенство по какой-либо ценности, по какому-либо значению» и устанавливается в отношениях сходства и различия, когда «соотносимые элементы по меньшей мере по одному при-

знаку идентичны, по другому – неидентичны» [1998. С. 215]. Эквивалентность в повествовании выявляется либо по тематическому, либо по формальному признаку [Там же. С. 239].

Извлечение из тематики ряда эквивалентностей, в том числе и персонажных, способствует выявлению диалектики не столько различий, сколько глубинных сходств персональных миров в произведении. Семантико-эстетическая корреляция «личных пространств» выступает в качестве одного из каналов репрезентации «общей идеи» произведения.

В статье «Лучше поздно, чем никогда» (1879) И. А. Гончаров поясняет тематическое содержание романа: «В “Обрыве”, на моих пигмеях, в крошечном озере, отразилось состояние брожения, борьба старого

Снякова Л. Н. Ценностно-этические эквивалентности в поэтике романа И. А. Гончарова «Обрыв»: Райский, Бабушка, Вера // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: История, филология. 2015. Т. 14, вып. 9: Филология. С. 241–245.

с новым» («Лучше поздно, чем никогда», 1879) [Гончаров, 1980. Т. 8. С. 122]¹. В персонажной композиции «на первом плане – Райский и Бабушка, потом Вера, Волохов, <...> и, наконец, Тушин» (Т. 8. С. 117). Именно Райский и Бабушка представляют пару персонажей, центрирующую остальную группу: Вера, Марфенька, Волохов, учитель Козлов и прочие собираются в единую персониферию в том или ином соотношении с Райским и Татьяной Марковной Бережковой². В настоящей статье мы попытаемся проследить изоморфизм персональных концепций жизни / судьбы / существования Райского, Бабушки и Веры в художественной структуре романа И. А. Гончарова «Обрыв».

Спор Бабушки с Райским в главном определяется как спор практического консерватизма и «мечтательного» прогрессизма (Т. 8. С. 123). Конечно, Райский – «артист», ищущий «настоящей жизни»³, но вместе с тем он искренен в своем желании «разбудить» обитателей Малиновки: «“Как это они живут?” <...> “Что Бог даст!” – говорит бабушка» (Т. 5. С. 224). Бабушка опирается «деспотически на авторитет уже не мудрости, а родства и своих лет» (Т. 5. С. 225). Общение Райского с Татьяной Марковной выявляет их прагматические установки: Бабушка для Райского – «деспот», Райский для нее – «своеобычный человек».

В 9-й главе 2-й части обмен этими номинациями обоюден: Райский нехотя повинуетея Бабушке – ложится спать на мягкие подушки и позволяет Егорке прислуживать ему. «Какая настойчивая деспотка!» – досаждает он (Т. 5. С. 222). Татьяна Марковна удивляется, услышав отказ гостя от курения в спальне: «Какой своеобразный! Даже бабушки не слушает! Станный человек!» (Т. 5. С. 223)⁴. Аттестация Райского как человека «необыкновенного» и «своеобычного» повторяется во второй части романа (в ней персонажи «приглядываются» друг к другу) из главы в главу (Т. 5. С. 164, 176, 219, 226 и др.).

Райский отвергает упреки Бабушки исходя из того, что «своеобычность», самостоятельность решения и поступка, является основным принципом персональной свободы: «Как же: ешь дома, не ходи туда, спи. Когда не хочется, – зачем стеснять себя? <...> О деспотка, вы, бабушка, эгоистка! Угодить вам – не угодить себе; угодить себе – не угодить вам: нет ли выхода из этой крайности?» (Т. 5. С. 219). Отношения взаимного «деспотизма» фиксируются обеими сторонами: Бабушке непонятна самостоятельность Райского, Райскому – настойчивость Бабушки.

Мировоззрение Бабушки заключается в следовании установленному порядку вещей и тщательно оберегаемом от посторонних глаз личном опыте: «Она говорит языком преданий, сыплет пословицы, готовые сентенции старой мудрости, <...> и весь наружный обряд жизни отправляется у ней по затверженным правилам. <...> в тех случаях, которые не могли почему-нибудь подойти под готовые правила, у бабушки вдруг выступали собственные силы, и она действовала своеобразно» (Т. 5. С. 224).

¹ В дальнейшем ссылки на собрание сочинений И. А. Гончарова приводятся в тексте. В круглых скобках указываются том и страницы.

² В творческом генезисе романа важнейшее значение приобретает поездка писателя на родину в 1849 г., о чем он сообщает в автокомментарии «Лучше поздно, чем никогда». Обратим внимание на раннее формирование ведущей пары персонажей: «...Райский и Бабушка явились <...> у меня в голове в 1849 году. Как только я приехал на Волгу, на меня, будто сон, слетел весь план романа» (Т. 8. С. 118). См. также: [Гейро, 2000].

³ В письме к С. А. Никитенко от 21 августа / 2 сентября 1866 г. И. А. Гончаров, высказываясь об «артистической обломовщине» Райского, признается, что характерологический потенциал этого персонажа универсален: «...с той самой минуты, когда я начал писать для печати <...>, у меня был один артистический идеал: это – изображение честной, доброй, симпатичной природы, в высшей степени идеалиста, всю жизнь борющегося, ищущего правды, <...> наконец, окончательно охлаждающегося и впадающего в апатию и бессилие от сознания слабости своей и чужой, то есть вообще человеческой природы. Та же была идея у меня, когда я задумывал и Райского...» (Т. 8. С. 318–319).

⁴ Определение характера как «своеобычного» включает в себе и значение приоритета своей воли в отношениях с окружающими, т. е. легкой степени «деспотизма»: «...своеобычие, своеобразность – свой обычай, самостоятельный нрав; желание делать все по-своему, на свой лад, и требование, чтобы другие подчинялись этому порядку» [Даль, 2006. С. 261]. Получается, что Райский и Бабушка похожи и в «деспотизме», и в «своеобычности». Более сильный синоним своеобразности – своенравие. Если последнее «не есть еще порок; иногда оно относится только к привычкам», то своенравие «близко упрямству, упорству» [Там же]. В дальнейшем «своенравие» Райский вменит в вину Вере.

Райский, напротив, находится в постоянном поиске новых впечатлений («Только ощущать жизнь, а не смотреть на нее...» (Т. 5. С. 162)), а то и потрясений («...жизнь “для себя и про себя” – не жизнь, а пассивное состояние: нужно слово и дело, борьба» (Т. 5. С. 212)). Бабушка настаивает на фаталистическом приятии судьбы: «Никогда не говори: “непреренно” <...> Боже сохрани!»; «Даст тебе когда-нибудь судьба за это “непреренно”! Не говори этого! А прибавляй всегда: “хотелось бы”, “Бог даст, будем живы да здоровы...” А то судьба накажет за самонадеянность...» (Т. 5. С. 229). Райский возражает: «Какое рабство! <...> вы думаете, что к человеку приставлен какой-то невидимый квартальный надзиратель, чтоб будить его? <...> Как жизнь-то эластична!» (Т. 5. С. 230).

Впрочем, в конце этого спора герой признает правоту Татьяны Марковны: «Я бьюсь, чтобы быть гуманным и добрым: бабушка не подумала об этом, а гуманна и добра. <...> если я... бываю снисходителен, так это из холодного сознания принципа, у бабушки принцип весь в чувстве, в симпатии, в ее натуре!» (Т. 5. С. 231). Заметим, что Райский здесь полагает себя едва ли не рассудочным эгоистом, что не совсем верно, если учитывать основное свойство его характера – эмоциональную восприимчивость и, в силу этого, пусть и недолговечную, готовность служить новому идеалу красоты⁵.

Итак, в паре персонажей Райский – Бабушка существуют отношения подобия (категоричность мнений, «своеобычность», «деспотизм») и различия (ориентация Бабушки на «консервативную» жизнь – неподвижность, устойчивость; устремленность Райского к переменчивости, текучести, «новизне»), создающие в интересующем нас ценностно-этическом аспекте эквивалентности: судьба – Божья / своя воля; жизнь – «общие» законы / индивидуальный опыт; существование – самоотдача и долженствование / эмоционально-эстетический протезизм. Вера становится тем посредником, который в свою очередь встраивается в этот семантический ритм ассимиляции – оппозиции.

Обретя в образе Веры новый образец красоты⁶, Райский пытается постичь ее внутреннее содержание, но «нравственная фигура Веры оставалась для него еще в тени» (Т. 5. С. 303). Для Бабушки Вера иной раз «привередница, дикарка!» (Т. 5. С. 305), что сближает ее в какой-то мере со «своеобычным» троюродным братом.

Райский хочет «обратить Веру к жизни» (Т. 6. С. 35), девушка же видит в этом желании посягательство на ее свободу: «...я и дружбы его боюсь» (Т. 5. С. 46). И для Веры, и для Райского жизнь все-таки представляет собой самостоятельный поиск. Этим Вера отличается от послушной воле Бабушки Марфеньки, да и от самой Бабушки, хоть и обремененной давнишним «грехом». Райский становится для Веры таким же «деспотом», каким для самого Райского была Татьяна Марковна. Сделав незадачливому эмансипатору полупризнание в том, что она равнодушна к некоему человеку, Вера с возмущением наблюдает за его реакцией: «Вы не только эгоист, но вы и деспот, брат <...> рыцарь свободы – стыдитесь!» (Т. 6. С. 63). Парадоксально – «рыцарь свободы» превращается в деспота, однако это вызвано разным представлением собеседников о сущности свободы.

Для Райского свобода заключается в жизнотворчестве, что многократно подтверждается в процессе развертывания системной целостности произведения, а в финале формульно закрепляется в эпиграфе к его так и не написанному, но пережитому роману: «И что за поддельную боль я считал, / То боль оказалась живая – / О Боже, я раненный насмерть – играл, / Гладиатора смерть представляя!» (Т. 6. С. 411).

Свобода Веры выражается в «самостоятельной и гордой воле» («Намерения, задачи и идеи романа “Обрыв”») (Т. 6, С. 463). Отсюда и «аллегория» Райского про «ключи» от внутреннего мира героини: «Но, открыв на минуту заветную дверь, она вдруг своенравно захлопнула ее и неожиданно исчезла, увезя с собой ключи от всех тайн: и от своего характера, и от своей любви, и от всей сферы своих понятий, чувств, от всей жизни, которою живет – все увезла! Перед ним

⁵ См. объяснение психоэмоционального типа «неудачника-артиста» в статье И. А. Гончарова «Намерения, задачи и идеи романа “Обрыв”» (впервые опубликована в 1895 г.) (Т. 6. С. 460).

⁶ «Что это за нежное, неуловимое создание! <...> какая противоположность с сестрой: та луч, тепло и свет; эта вся – мерцание и тайна, как ночь – полная мглы и искр, прелести и чудес!...» (Т. 5. С. 289).

опять замкнутая дверь!» (Т. 6. С. 75). Заметим, что Вера маркируется «своенравием», так же как Райский – «своеобычием»: «ритм» характеров здесь совпадает. Векторы их свободолюбия, однако, как мы наблюдали, разнонаправлены.

Примирает Райского с Верой нечто вроде литературных вечеров, затеянных Бабушкой в назидание старшей внучке. Обеспокоившись возможной влюбленностью Веры (на которую намекнул Райский), Бабушка устраивает чтение какой-то скучной книги высокоморального содержания. Утомление Веры и Райского от этого прослушивания обнаруживает сходство их эмоционально-этических и эстетических установок. Знаковым именем в этом эпизоде становится добродетельная Кунигунда⁷.

Содержание книги шаблонно-сентиментальное: «Длинный рассказ тянулся все о том, как разгорались чувства молодых людей и как родители усугубляли над ними надзор, придумывали нравственные истязания, чтоб разлучить их» (Т. 6. С. 117). Марфенька слушает со слезами, Вера хмурится (Там же), Райский обычно покидает чтения. Наконец, Бабушке кажется, что Вера сопереживает героям бесконечной романической истории: «Драма гонений была в самом разгаре, родительские увещания, в длиннейших и нестерпимо скучных сентенциях, гремели над головой любящихся.

– Замечай за Верой, – шепнула бабушка Райскому, как она слушает! История попадает – не в бровь, а прямо в глаз» (Т. 6. С. 118). Кончается в книге все печально: влюбленных разлучают, герой навсегда покидает Европу, а героиня удаляется в монастырь. Райский комментирует все прослушанное: «Экая дичь!» (Т. 6. С. 119). Вера также возмущается: «Бабушка! за что вы мучили меня целую неделю, заставивши слушать такую глупую книгу?»; «А если б я провинилась <...> – вы заперли бы меня в монастырь, как Кунигунду?» (Т. 6. С. 119).

И для Райского, эстетизирующего страсти, и для Веры, переживающей испытание страстью к Волохову, книга «глупа», далека

от жизни. Благонравной Кунигундой оказалась, как и следовало ожидать, искренне переживавшая за героев прочитанного романа Марфенька: «Добро бы Вера, а то Марфенька, как Кунигунда... тоже в саду!.. Точно на смех вышло: это “судьба” забавляется!..» – сетует Татьяна Марковна (Т. 6. С. 129). Судьба опять наступает не того, кому предназначалось чтение. Бабушка бессильна остановить Веру⁸.

Когда изменившаяся после искушения «оврагом» Вера бесшумно появляется перед Райским, он восклицает: «Это бабушкина “судьба” посылает тебя ко мне!..» (Т. 6. С. 362). Действительно, Вера признает правоту Бабушки, ее смирение перед «судьбою» и сопряженный с ним народно-христианский кодекс жизни: «Стало быть, ей, Вере, надо быть бабушкой в свою очередь, отдать всю жизнь другим, и путем долга, нескончаемых жертв и труда, начать “новую” жизнь, не похожую на ту, которая стащила ее на дно обрыва... любить людей, правду, добро...» (Т. 6. С. 339). Но и Райскому «не даром... обошлись эти полгода» (Т. 6. С. 412) – и он, добыв «ключ от прошлого, от всей жизни бабушки», преклоняется перед ее правдой: «Ему ясно все: отчего она такая? Откуда эта нравственная сила, <...> знание жизни, сердца? <...> Образ старухи встал перед ним во всей полноте» (Т. 6. С. 405, 406).

Так постепенно, в христианской парадигме, у всех трех главных персонажей романа «Обрыв» сходятся воззрения на существование и судьбу – как испытание и последующее смирение. Вновь возникающий и ассоциированный со значением судьбы-существования мотив «ключа» к познанию человека, на наш взгляд, подтверждает важность исследуемого ряда ценностно-этических эквивалентностей в художественной архитектонике романа И. А. Гончарова «Обрыв».

⁸ Имя-знак Кунигунды потом появляется еще дважды, после «падения» Веры. Терзаясь тем, что ее гордость попорана – «голна сострадательно глядит на падшего и казнит молчанием», – героиня «с трагическим юмором» мысленно восклицает: «Ах, хоть “Кунигунда” надоумила бы меня тогда!» (Т. 6. С. 330, 331). А после и Бабушка, принимая грех девушки на себя, произносит: «...чтоб мне вытерпеть теперь то, что я должна была вытерпеть сорок пять лет тому назад. <...> Пусть внук посмеется над сединой старой Кунигунды!» (Т. 6. С. 340).

⁷ Кунигунда Люксембургская (ок. 975 / 980 – 1033 / 1039) – дочь графа Зигфрида Люксембургского, супруга императора Генриха II. Кунигунда дала обет вечного целомудрия, успешно на протяжении года управляла государством после смерти августейшего супруга, а затем удалилась в монастырь. В 1200 г. была канонизирована католической церковью.

Список литературы

Гейро Л. С. «Сообразно времени и обстоятельствам...» (Творческая история романа «Обрыв») // Литературное наследство. М.: ИМЛИ РАН, Наследие, 2000. Т. 102. С. 83–175.

Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М.: АСТ: Астрель: Транзиткнига, 2006. Т. 4. 1144 с.

Шмид В. Проза как поэзия: Пушкин, Достоевский, Чехов, авангард. СПб.: ИНА-ПРЕСС, 1998. 352 с.

Якобсон Р. Лингвистика и поэтика // Структурализм: «за» и «против». М.: Прогресс, 1975. С. 193–230.

Список источников

Гончаров И. А. Собр. соч.: В 8 т. М.: Худож. лит., 1979. Т. 5. 383 с.

Гончаров И. А. Собр. соч.: В 8 т. М.: Худож. лит., 1980а. Т. 6. 517 с.

Гончаров И. А. Собр. соч.: В 8 т. М.: Худож. лит., 1980б. Т. 8. 559 с.

Материал поступил в редколлегию 02.02.2015

L. N. Sinyakova

THE VALUE AND ETHICS EQUIVALENCES IN THE POETICS OF I. A. GONCHAROV'S NOVEL «THE STEEP»: RAYSKY, GRANDMOTHER, VERA

In the article the problem of the correlation of the values and ethics outlook is regarded. The equivalence is suited between the principle personages of the novel – Raysky, Grandmother and Vera. The similarity and the difference of their own conceptions of life, fate and existence are the main subjects of the article. The couple of personages, Raysky and Grandmother, are being in the permanent discussion about the essence of life. Grandmother stands for God's will, but Raysky proves the precedence of self-living. Vera and Raysky are joint as freedom adepts, but Vera's looking for an independence, while Raysky prefers to live in his artistic reality. The negative reaction of both of them on listening the story of the pure "Kunigunda" reveals their rejection of any moral suppressing by the personal self-determination. The symbolic motive of inner keys refers to Vera as well as Grandmother, so their ethics features are similar in depth. As a result, these three personages of the novel are connected with each other by their guideline of truth-seeking.

Keywords: equivalence, values, world-view, existence, fate.